

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ И СТРАТЕГИИ: ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

П.А. Минакир

На рубеже 70–80-х годов легальную «прописку» в перечне инструментов социально-экономического планирования в СССР получили комплексные программы. Программы были призваны придать централизованному планированию, которое находилось на излете как универсальный инструмент определения эффективных путей достижения целей, способность изменять траектории развития и маневра ресурсами, обусловленные не только политической, но и экономической целесообразностью. В последнюю четверть XX в. необходимость концентрации ресурсов на важнейших участках целевой области развития, равно как и невозможность такой концентрации в рамках сложившейся технологии иерархического планирования и управления, стала очевидной.

Не менее очевидным являлось и неоднократно теоретически описанное правило, гласившее, что программный метод планирования может и должен применяться именно тогда, когда необходима концентрация усилий на решении важнейших социально-экономических проблем. И иным способом, кроме такой концентрации ресурсов и компетенций, данные задачи решены быть не могут (см., например, [1]). Основное назначение целевых программ состоит в ускорении социально-экономических процессов, сокращении сроков достижения тех целей, которые имеют первостепенный характер для общества в целом и для отдельных сфер общественного производства на данном этапе.

В рамках централизованного планирования, для которого экономическими агентами являлись «хозяйственные отрасли», реальной сферой программной организации планового достижения целей могли быть и стали программы социально-экономического развития регионов. С точки зрения характера целей, для достижения которых разумно использовать программный метод, с учетом ориентации программ на региональный аспект эко-

номики все их многообразие, по существу, сводится к двум типам: программы, направленные на получение определенного вещественного или социально-экономического результата, и программы развития. Первые могут представлять собой программы создания производственных комплексов по получению определенной продукции, программы разработки и создания новой техники и технологии, социальные программы. Программы развития направлены на преобразование существующих подсистем экономики, создание условий для их функционирования в желательном направлении. К программам такого типа относятся программы модернизации предприятий, отраслей и регионов.

Дальний Восток является тем регионом, где уже долгое время предпринимаются попытки реализации долговременных программ социально-го и экономического развития.

ПРОГРАММЫ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА, РАЗРАБОТАННЫЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

К началу 60-х годов все настойчивее стали звучать призывы к повышению степени комплексности экономических систем. В этом уже проявлялись будущие трудности с выполнением обязательств центра по поддержанию узкоспециализированного хозяйственного комплекса с гарантированными поставками продукции производственно-технического и потребительского назначения из централизованных фондов.

В этот период Дальний Восток опять стал привлекать внимание центральных органов управления как новая сырьевая база для некоторых отраслей промышленности. В 1967 г. директивные органы СССР приняли постановление о развитии экономики Дальневосточного экономического района [2]. В 1972 г. последовало еще одно постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, направленное на усиление предыдущего и на дополнительное развитие оборонных производств на Дальнем Востоке. Существенно увеличилось количество задач, подлежащих решению. Увеличилась и конкуренция между потенциально приоритетными проектами при одновременном ослаблении централизации распределения ресурсов, в результате чего она постепенно модифицировалась в конкуренцию между ведомствами. Развитие региона все более определялось инерцией ведомственных решений и усилий местных властей [3]. В итоге плановые задания по основным социально-экономическим индикаторам были выполнены не в полном объеме.

Следующий опыт применения программного метода планирования для повышения эффективности и конкурентоспособности дальневосточной экономики был связан с принятием в августе 1987 г. государственной программы комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г. Политика центра, направленная на превращение территорий Дальнего Востока в сырьевую провинцию страны путем насаждения монопродуктовой экономики, перекачивания доходов от эксплуатации природных ресурсов в государственный бюджет и бюджеты министерств и ведомств, финансирования социальных и инфраструктурных проектов по остаточному принципу, привела к сокращению запасов природных ресурсов, добываемых традиционным способом, и кризису в общеэкономической и социальной сферах.

Принятая программа была последней попыткой изменить ситуацию за счет централизованного перераспределения капитальных вложений и их структурной переориентации в пользу развития социальной сферы. Программа должна была осуществляться в рамках традиционной технологии централизованного планирования через отраслевые министерства и посредством наращивания количества одновременно строящихся объектов инфраструктуры и производства. Но процессы, происходившие в экономической и политической жизни страны в конце 80-х годов, ставили под сомнение реалистичность сроков реализации программы и масштабов планируемых ресурсов. В СССР уже не существовало реальных источников наращивания объемов инвестиций. В 1988–1989 гг. правительство еще делало попытки поддержать курс на выделение дополнительных средств для Дальнего Востока, но это уже не могло спасти ситуацию.

Формально программа действовала пять лет (1986–1990 гг.), а фактически – только три года (1988–1990 гг.). В программе предусматривались принципы, чрезвычайно важные для развития Дальнего Востока: 1) выделение целевых средств на развитие социальной сферы в соответствии с нормативами, позволяющими обеспечить к 2000 г. по крайней мере выравнивание социальных стандартов относительно других регионов страны; 2) придание программе государственного статуса, что позволило бы целенаправленно выделять средства государственного бюджета на модернизацию производственной базы и инфраструктуры и реализацию основных социальных программ. К сожалению, эти принципы реализованы не были, что привело к срыву основных программных заданий.

Среднегодовой прирост инвестиций в основной капитал по программе должен был составлять 5,4%. В течение 1988–1989 гг. пороговое значение показателя было превышено в 1,3–1,6 раза, но начиная с 1990 г. объем инвестиций в региональное хозяйство резко уменьшился (прирост составил лишь 1,4%). И эта тенденция еще более усугубилась в последующие годы*. Прирост промышленного производства в целом за период 1986–1990 гг. составил 12% против 27%, предусмотренных программой. Но даже этот уровень был достигнут только благодаря тому, что в 1986–1987 гг. прирост промышленного производства был на уровне 4,3–4,4%. Постепенно произошло падение темпов, и в 1990 г. отмечено даже сокращение масштабов производства (2%) по сравнению с 1989 г. В целом за 1986–1990 гг. средний темп роста составил 2,3%, что на 1,3 п.п. ниже показателя за 1981–1985 гг. Программные задания не были выполнены практически ни в одной отрасли промышленности. Из отраслей народно-хозяйственной специализации только в рыбной отрасли был отмечен рост производства. В 1990 г. улов рыбы составил 4,6 млн т, на 5,2% превысив программные задания. Но политика в отрасли строилась на использовании экстенсивных факторов развития. Все усилия были направлены на поддержание и увеличение добычи рыбы и морепродуктов в ущерб развитию береговых баз. К 1990 г. не были введены в эксплуатацию предприятия по рыбообработке и производству консервов, по судоремонту. Это моделировало дальнейшее ухудшение условий развития рыбной промышленности.

В программе предусматривалось интенсивное развитие машиностроения, которое должно было стать ведущей отраслью на время модернизации традиционных отраслей специализации. Основной задачей развития машиностроения являлась переспециализация на продукцию, востребованную на внутрирегиональном рынке. Предполагалось, что к 2000 г. доля машин и оборудования, вывозимых за пределы Дальнего Востока, должна снизиться до 35%. Однако к 1990 г. эта доля превышала 60%, а для отдельных видов продукции составляла 90%. За 1986–1990 гг. объем производства в машиностроении увеличился только на 3,7% против 10%, соответствующих программному заданию.

Переход на самофинансирование еще более обострил ситуацию. Недостаток собственных инвестиционных средств не позволял в полной мере осуществлять мероприятия по техническому перевооружению и модерни-

* В 1991 г. индекс физического объема инвестиций в основной капитал составил 86%, и снижение объемов сохранялось вплоть до 1999 г.

зации производства. Доля ежегодно обновляемой продукции на машиностроительных предприятиях региона не превышала 5–9%, а доля действительно новой, впервые освоенной в СССР продукции составляла только 1,5–2,5%. В результате машиностроение не стало и не имело шансов стать новым центром региональной экономической динамики. В связи с тем, что и добывающий сектор экономики не в состоянии был стать таким центром, попытка опоры на внутренние возможности в модернизации экономики и развитии социального сектора на Дальнем Востоке не удалась.

В социальной сфере также не удалось достичь запланированных параметров развития. Объемы ввода в эксплуатацию жилых домов были ниже программных заданий на 6,2%, ввод дошкольных учреждений и общеобразовательных школ – на 35,6 и 34,5% соответственно.

Таким образом, к 1990 г. общая ситуация на Дальнем Востоке по сравнению с 1986–1987 гг. не улучшилась. Новые стимулы экономического и социального развития созданы не были.

К началу 1991 г. стало ясно, что заложенная в основу долговременной программы концепция развития региона перестала соответствовать реалиям экономики, которая постепенно модифицировалась в направлении доминирования рыночных принципов распределения ресурсов. Реализация программы была полностью остановлена. Но провал программы был обусловлен даже не сменой принципиальных приоритетов в процессе социально-экономического реформирования, а самой ее целевой и организационной структурой. Одной из главных причин неудачной реализации данной программы было отсутствие эффективной целереализующей системы и специального организационно-финансового механизма управления, который бы при необходимой степени централизации осуществлял согласование целей функционирования и развития субъектов хозяйствования, контролировал распределение ресурсов между подпрограммами и участниками программы.

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И ЗАБАЙКАЛЬЯ

В сложных условиях начала 90-х годов, когда обострились экономические и социальные проблемы параллельно с сокращением государственной поддержки территорий Дальнего Востока и Забайкалья, была начата разработка новой федеральной целевой программы. Требовалось изменить политику государства по отношению к Дальнему Востоку. Был использо-

ван основной аргумент из программы 1987 г., который сводился к тому, что государство должно поддержать не сам по себе Дальний Восток, – оно должно осуществлять стратегию «возвращения на Тихий океан», что невозможно сделать без государственной поддержки этого региона.

В апреле 1996 г. Правительство Российской Федерации приняло постановление «Об утверждении Федеральной целевой программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 гг.». Указом Президента Российской Федерации программе был присвоен статус президентской, что должно было гарантировать безусловное выполнение объявленных в ней намерений федерального центра. Генеральная цель программы была определена следующим образом: максимально ослабить влияние факторов, препятствующих адаптации региона к условиям рыночной экономики; полнее реализовать благоприятные предпосылки развития, тем самым создав условия для быстрого выхода из кризиса и ускоренного, относительно средних российских показателей, развития в будущем. Поэтапная реализация программы должна была привести к изменению тенденций развития региона:

- к 2000 г. должны были быть достигнуты экономическая стабилизация и существенное улучшение социально-экономической ситуации;
- в период 2001–2005 гг. – устойчивое развитие;
- к 2005 г. – преодоление отставания в основных макроэкономических показателях от среднероссийского уровня.

По программным заданиям рост валового общественного продукта к 2005 г. должен был составить 142%, объемы продукции промышленности – увеличиться в 1,5 раза, в частности добыча нефти – в 100 раз, добыча газа – в 66 раз.

В отличие от всех предыдущих программ размер государственной поддержки не должен был превысить 20–30% всех финансовых средств. Таким образом, эта программа уже являлась не совсем программой в классическом смысле. Вместо централизации ресурсов и управления около 70% ресурсов и массы принимаемых решений изначально планировались как децентрализованные (за счет региональных и местных бюджетов, ресурсов инвестиционных фондов министерств и ведомств, собственных средств предприятий, кредитов отечественных и зарубежных банков, иностранных инвесторов).

Соответственно программа была обречена на невыполнение. И действительно, макроэкономические параметры программы не были достигнуты.

Реальное выделение ресурсов из федерального бюджета в 1996–2000 гг. составило 5,2%, а из региональных бюджетов – около 17%. Инвестиции в программные объекты не превысили 20% валовых инвестиций, осуществленных в дальневосточную экономику за 1996–2000 гг. Это доказывает, что экономика региона проигнорировала программу, которая должна была стать стратегическим ориентиром для инвесторов всех уровней и форм собственности. Уже одно это означало институциональный провал программы и необходимость ее корректировки.

Невыполнение заданий программы было связано как с объективными причинами, выразившимися в недостаточном финансировании программы, так и с недостатками, не учтенными в ходе ее разработки: несбалансированностью по целям и ресурсам; недоработкой организационного и управленческого механизма; распыленностью финансовых ресурсов между множеством конкретных объектов; недостаточной координацией мероприятий, разбросанных по не связанным федеральным, отраслевым и субрегиональным программам; отсутствием единого территориального органа управления программой, рассредоточенностью управления ею в не скоординированных по действиям и конкурирующих по ресурсам субъектах Федерации Дальнего Востока и т.д. Сложность выполнения данной программы определялась еще и тем, что программные проекты реализовывались в рамках переходной экономики, когда рыночные стимулы и интересы превалировали над социальными.

Отставание от объявленных параметров объяснялось двумя обстоятельствами: 1) оценки программы базировались на предположении об устойчивом характере начавшегося в 1997 г. оживления экономики, не был предусмотрен валютно-финансовый кризис 1998 г.; 2) не были использованы возможности институционального характера: в регионе не было создано стимулов для инвесторов, экономическая политика субъектов Федерации и их возможности по форсированию территориальных преимуществ в экономическом развитии не были оценены и поддержаны федеральным центром.

К 2000 г. стали явными противоречия, с одной стороны, между программными заданиями и фактическими результатами, с другой – между целями и механизмами программы и значительно изменившимися после кризиса 1998 г. условиями и тенденциями развития социально-экономической системы. Встал вопрос о необходимости либо корректировки программы, либо разработки новой программы развития Дальнего Востока, лучше отвечающей новым политическим и социально-экономическим реалиям.

К началу 2001 г. сложилась принципиально новая экономическая и политическая ситуация. Прекратился затяжной спад производства, начала формироваться новая стратегия геополитического развития России, в которой существенную роль стали играть интересы страны в Северо-Восточной Азии. Это определило необходимость корректировки программы и увеличения программного горизонта. В марте 2002 г. была утверждена новая редакция программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 гг. и на период до 2010 г.». Основными целями программы были определены

- создание экономических условий для устойчивого развития Дальнего Востока и Забайкалья с учетом геостратегических интересов и обеспечения безопасности Российской Федерации;
- формирование необходимой инфраструктуры и благоприятного инвестиционного климата для развития приоритетных отраслей экономики Дальнего Востока и Забайкалья и стимулирования программ и проектов международного и приграничного сотрудничества;
- развитие социальной сферы, достижение необходимых социальных нормативов, соответствующих специфике Дальнего Востока и Забайкалья.

Исходя из системы задач и структуры целевая область программы может быть представлена следующим образом:

- формирование международных транспортных и энергетических коридоров как важнейший элемент восстановления влияния России в Северо-Восточной Азии;
- упорядочение и повышение эффективности использования морских биологических ресурсов на Дальнем Востоке;
- оптимизация топливно-энергетического комплекса региона и придание на этой основе устойчивости его социально-экономической системе;
- предотвращение потенциальной угрозы нерегулируемой внешней миграции за счет закрепления населения в регионе.

В соответствии с такой структурой целевых заданий все мероприятия программы сгруппированы по уровням реализации целей:

- 1) обеспечение геостратегических приоритетов;
- 2) решение задач федерального значения;

- 3) мероприятия межрегионального значения;
- 4) региональные мероприятия, требующие государственной поддержки;
- 5) нормативно-правовое обеспечение программы и необходимые институциональные преобразования.

В 2003–2007 гг. Правительством России осуществляется корректировка принятой ранее программы с целью изменить ситуацию и преодолеть сохраняющийся «отстающий рост» экономики региона. Вначале корректировка заключалась лишь в «подгонке» планируемых для региона бюджетных ассигнований к той величине, которая предполагается на эти цели в бюджете соответствующего года. Это обеспечивало высокий процент выполнения бюджетных намерений в рамках программы, но как при этом реагирует экономика и социальная система региона, что происходит с параметрами собственно программы, оставалось неизвестным. Мониторинг региональной динамики существовал сам по себе, а бюджетные корректировки – сами по себе.

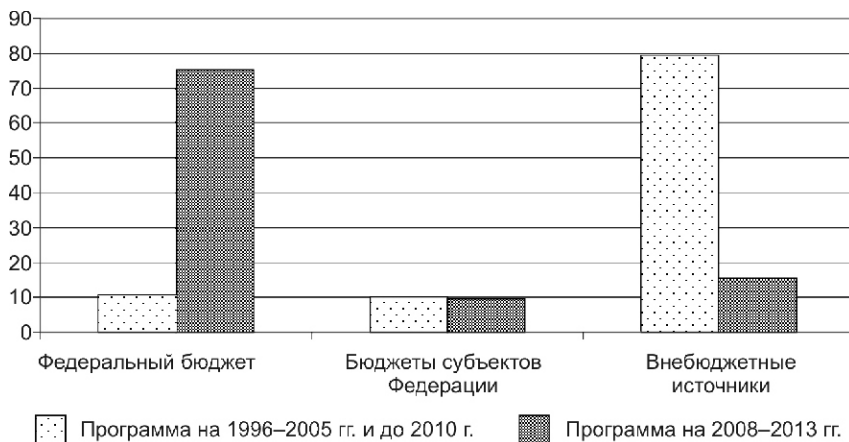
В 2004 г. была проведена новая корректировка программы, которая в отличие от регулярных корректировок бюджетных показателей заключалась в изменении самого принципа программного планирования. Вместо поддержки и формирования секторов и направлений, ориентированных на решение стратегических задач региона в целом и Российской Федерации в частности, предполагалось сосредоточить все ресурсы на решении внутренних, текущих проблем субъектов Федерации на Дальнем Востоке. Это означает, что государственная программа перестает быть инструментом среднесрочного стратегического планирования, а превращается в модификацию традиционных планов социально-экономического развития территорий или, как это было в советский период, в планы развития местного хозяйства и социальной сферы.

В декабре 2006 г. на заседании Совета безопасности Российской Федерации было принято решение об очередной корректировке программы, вызванное формированием новой геополитической стратегии государства, и в июле 2007 г. на заседании правительства прошло обсуждение новой версии программы. Горизонт планирования программы увеличен до 2013 г. Целью программы являются формирование инфраструктуры и создание благоприятного инвестиционного климата для развития приоритетных отраслей экономики регионов Дальнего Востока и Забайкалья с учетом геостратегических интересов и обеспечения безопасности России. Для достижения поставленной цели планируется решение следующих задач:

- закрепление населения в регионе на основе стимулирования сохранения существующих и создания новых рабочих мест;
- снятие инфраструктурных ограничений развития экономики на региональном уровне;
- реализация ряда проектов развития инженерной инфраструктуры и социальной сферы.

Отличительной особенностью новой версии программы является изменение подхода к распределению финансовых ресурсов по источникам финансирования. Если в программе на 1996–2005 гг. и до 2010 г. и в ее последующих корректировках 2002–2006 гг. основной объем средств на финансирование программных мероприятий предполагалось направлять из внебюджетных источников, то в новой версии основной объем финансовых средств планируется задействовать из средств федерального бюджета (см. рисунок). То есть в данной версии программы применен принцип централизации финансовых ресурсов, который использовался при формировании программ территориального развития до 1995 г.

Еще одной особенностью новой версии программы является распределение финансовых ресурсов по министерствам и ведомствам без четкой разбивки по территориям макрорегиона, как это было во всех предыдущих версиях, т.е. прослеживается четкий централизованный ведомственный

Источники финансирования программы развития Дальнего Востока и Забайкалья, %

подход к перспективному развитию территории. В результате реализации программных мероприятий рост ВРП к 2013 г. должен составить 2,4 раза, инвестиций в основной капитал – 3,4 раза, численности экономически активного населения – 1,1 раза.

По мере усложнения задач, которые ставились и решались в регионе, по мере умножения государственных приоритетов степень выполнения заданий программ развития Дальнего Востока и Забайкалья постоянно снижалась. Так, инвестиционные задания программы, изложенной в постановлении ВЦИК и ЦК ВКП(б) 1930 г., были выполнены на 130%, программы, изложенной в постановлении ЦК КПСС и Совмина СССР 1967 г., – на 80, государственной целевой программы на 1986–2000 гг. (1987 г.) – на 30, федеральной целевой программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 гг. (1996 г.) – на 5 (с учетом нормирования по доле бюджетного финансирования), федеральной целевой программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 гг. и до 2010 г. (2002 г.) – на 4,5% (с учетом нормирования по доле бюджетного финансирования, по первоначальному варианту). Как видно, наименее удачной из всех предшествующих попыток программного решения проблем Дальнего Востока оказалась программа 2002 г. При этом следует учесть, что программа 2002 г. реализовывалась в значительно более благоприятных условиях, чем программа 1996 г., так как возможности профицитных бюджетов после 2000 г. радикально отличались в лучшую сторону от возможностей дефицитных бюджетов 90-х годов.

* * *

Программно-целевое планирование как инструмент определения рациональных стратегий регионального социально-экономического развития длительное время рассматривалось в качестве универсального метода решения региональных проблем любого масштаба и неограниченной сложности. Это предположение оказалось неверным. Наиболее эффективным образом региональные программы могут обеспечивать достижение цели развития в случае, когда эта цель сформулирована однозначно, стратегия развития региона является чистой стратегией и развитие региона определяется политикой и ресурсами государства, т.е. мотив поведения формируется экзогенно. В случае, когда цели программы (соответственно – оценка исходов) формулируются неоднозначно, а стратегия развития региона является смешанной, эффективность государственной программы объективно существенно сни-

жается, даже если стимулы развития экзогенные. Если же цели программы формулируются неоднозначно, стратегия развития региона является смешанной, а стимулы регионального развития эндогенные, достичь положительного результата программы не представляется возможным.

Этот вывод, конечно, является гипотезой. Тем не менее данная гипотеза с точностью до достоверности наблюдений свидетельствует о наличии объективных ограничений на использование программно-целевого метода планирования регионального развития.

На качественном уровне, очевидно, можно определенно сказать, что в случае макрорегионов, таких как Дальний Восток в период 1980–2000 гг., допустимый региональный и отраслевой масштаб применения программно-целевого планирования явно превышен. И теоретически, и фактически государственные программы регионального развития должны являться и являются способом корректировки отраслевых решений относительно данного региона, обеспечивающим поддержание и увеличение в нем синергических эффектов. Смысл программы заключается в том, что государственные ресурсы или ресурсы из иных источников, но обязательно централизованные и точно ориентированные направляются на финансирование таких проектов, объектов или сфер деятельности, которые как раз и обеспечивают максимальные синергические эффекты. В качестве российских примеров можно привести строительство Транссибирской магистрали, строительство Урало-Кузнецкого комбината, создание магистральной газопроводной сети в европейской части СССР, строительство крупных гидроэлектростанций, создание ТПК в Сибири. На Дальнем Востоке подобного рода программы после 1975 г. не осуществлялись.

Утверждение о том, что современный этап регионального программирования является эффективным по форме и неэффективным по исполнению [4], нуждается в уточнении. В действительности современный этап регионального программного планирования является неэффективным по исполнению потому, что он неэффективен по форме. Именно неадекватность использования программного инструмента влечет за собой основные пороки, выявляемые на стадии его реализации (неполное финансирование программных мероприятий, слабая проработанность отдельных блоков программы, изменения внешних условий, при которых определялись целевые установки и сама структура программы).

Сейчас существенно возрастает роль региональных элит в формулировании стратегий регионального развития. Региональные власти желают видеть в программах прежде всего мощный импульс и источник ресурсов для

масштабного социально-экономического развития регионов, преодоления многочисленных диспропорций, сохранившихся с прошлых лет и образовавшихся в последние годы в ходе не всегда продуманных социально-экономических реформ. Реальные расхождения в исходных установках государства и регионов, как правило, не фиксируемые в такого рода программах, изначально обрекают последние на размытость самого документа и, как следствие, на половинчатые итоги его реализации, не устраивающие ни федеральный центр, ни сами регионы [4].

Когда стимулы регионального развития эндогенные, необходимо кардинально изменить сам подход к региональному программному планированию. Следует восстановить изначальный смысл целевой программы как средства централизации управления и концентрации ресурсов, т.е. резко ограничить возможность для региональных элит формировать стратегии развития, сосредоточить эту функцию в «программном центре», который может (и должен) включать как региональных, так и федеральных экспертов. Кроме того, необходимо существенно ограничить территориальный и отраслевой состав программного объекта. Наконец, на период реализации программы регион, являющийся объектом программного планирования, должен быть переведен в режим «экзогенной мотивации», т.е. функции регулирования социально-экономического развития должны быть сосредоточены в «программном центре».

Конечно, таким центром не может быть организация типа «комиссии по программе». Очевидно, что «программный центр» должен концентрировать ресурсы и права распоряжения ими в масштабах, достаточных для контроля над реализацией выбранной стратегии развития региона.

Литература

1. **Минакир П.А.** Экономическое развитие региона: программный подход. – М.: Наука, 1983.
2. **О мерах** по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 июля 1967 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1966–1968. – Т. 6.
3. **Дальний Восток и Забайкалье – 2010:** Программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2010 г. – М.: Экономика, 2004.
4. **Суспицын С.А.** Региональное программирование и территориальные различия: возможности и ограничения // Регион: экономика и социология. – 2001. – № 3.